

Серия
«Антология мысли»

С. С. Татищев

Император
Александр Второй

Часть 2

Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 93/94
ББК 63
Т23

Автор:

Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906) — русский дипломат, историк и публицист.

Татищев, С. С.

Т23 Император Александр Второй. В 3 ч. Часть 2 / С. С. Татищев. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 308 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-08570-9 (ч. 2)

ISBN 978-5-534-08568-6

Выдающийся историк в книге прослеживает жизненный путь российского императора Александра Второго - от рождения и до трагической гибели. Описаны детские и юношеские годы российского наследника престола, особое внимание при этом уделено методике обучения, составленной поэтом В. А. Жуковским. Автор ставит перед собой задачу собрать воедино многочисленные свидетельства об отдельных моментах и эпизодах жизни и деятельности государя Александра Николаевича и, дополнив их собственными изысканиями, составить точный и, по возможности, полный, прагматический свод событий его царствования и личного в них участия или воздействия на них императора в области политики как внутренней, так и внешней.

Татищев был не только современником императора и свидетелем великих преобразований, но и скрупулезным ученым, поэтому его труд о жизнеописании Александра Второго основан на ценнейших документах и материалах, рукописных источниках, хранящихся в правительственных архивах.

Для широкого круга читателей.

УДК 93/94
ББК 63

ISBN 978-5-534-08570-9 (ч. 2)
ISBN 978-5-534-08568-6

© Оформление. ООО «Издательство Юрайт», 2019

Оглавление

КНИГА ТРЕТЬЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ 1856—1866

Глава тринадцатая. Освобождение крестьян. 1856—1861	9
Глава четырнадцатая. Тысячелетие России. 1861—1862	78
Глава пятнадцатая. Польская смута. 1861—1863	107
Глава шестнадцатая. Мятеж в Царстве Польском и в Западном крае. 1863—1864	136
Глава семнадцатая. Дипломатический поход на Россию. 1863.....	151
Глава восемнадцатая. Преобразования в Империи и в Царстве Польском. 1864—1866	169

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ ГОДЫ МИРНОГО РАЗВИТИЯ 1866—1870

Глава девятнадцатая. Дела внутренние. 1866—1870	203
Глава двадцатая. Внешняя политика. 1864—1871	237
Глава двадцать первая. Соглашение трех императоров. 1871—1876	268
Глава двадцать вторая. Завоевание Средней Азии. 1864—1881	295

КНИГА ТРЕТЬЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
1856—1866

Глава тринадцатая

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

1856—1861

Решимость государя упразднить крепостное право. — Отмена инвентарей в Северо-Западном крае. — Доверие и расположение к дворянству. — Речь к московским дворянам. — Циркуляр министра внутренних дел Ланского об отставных солдатах и ратниках ополчения. — Записки Ланского «о постепенном стремлении к освобождению помещичьих крестьян». — Историческая записка Левшина. — Переговоры Ланского с предводителями дворянства в Москве. — Негласный Комитет об улучшении быта помещичьих крестьян. — Речь государя при его открытии. — Основания реформы. — Комиссия для рассмотрения проектов преобразования. — Слова государя графу Я. Д. Киселеву. — Мнение министра внутренних дел. — Назначение великого князя Константина Николаевича членом Негласного Комитета и оживление его деятельности. — Предположение Комитета. — Вопросы, предложенные на обсуждение Комитета. — Прошение дворян трех северо-западных губерний. — Высочайший рескрипт виленскому, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору с изложением главных оснований крестьянской реформы. — Пояснительное отношение министра внутренних дел. — Рескрипт С.-Петербургскому генерал-губернатору. — Слова государя петербургским дворянам. — Обнародование рескриптов. — Обед писателей в Москве. — Адреса нижегородского и московского дворянства и рескрипты нижегородскому губернатору и московскому генерал-губернатору. — Открытие комитетов в 44 губерниях. — Образование Главного Комитета по крестьянскому делу. — Настроение его членов. — Новые циркуляры. — «План работ», составленный министерством внутренних дел, не утвержденный Комитетом. — Программа для губернских комитетов, составленная Ростовцовым. — Ограничение права обсуждать в печати вопросы, связанные с крестьянской реформой. — Проекты уездных и губернских учреждений по крестьянским делам сельского управления, преобразования земской полиции и назначения временных генерал-губернаторов. — Комиссия при Главном Комитете для рассмотрения проектов положений, составленных губернскими комитетами. — Сравнение пахатных солдат и крестьян удельных, государственных и дворцовых с государственными крестьянами и Комиссия об устройстве быта фабричных и горнозаводских крестьян. — Частные меры против злоупотреблений помещичьей властью. — Волнения в крестьянской среде. — Разрешение Высочайшею властью несогласий в среде нижегородского губернского комитета. — Возражение министра внутренних дел на проект о назначении временных генерал-губернаторов. — Замечания на него государя. — Поездка государя по России. — Речи его дворянам в Вологде, Твери, Костроме, Нижнем Новгороде, Владимире, Москве, Смоленске, Вильне. — Письма Ростовцова государю из Вильдбада, Карлсруэ и Дрездена. — Обсуждение их в высочайшем присутствии в Главном Комитете. — Правила, преподанные

государем Комитету. — Состав губернских комитетов. — Образование редакционных комиссий под председательством и главным начальством Ростовцова. — Назначение Н. А. Милютин и д. товарища министра внутренних дел. — Вызов в Петербург Ю. Ф. Самарина. — Состав редакционных комиссий. — Открытие заседаний комиссий. — Прием их государем. — Разногласия между большинством и меньшинством разрешены императором. — Вызов в Петербург депутатов от губернских комитетов. — Прием государем депутатов первого призыва. — Речь государя харьковским дворянам. — Разногласие между депутатами и редакционными комиссиями. Три всеподданнейшие адреса. Замечания государя на записку Безобразова. — Речь дворянам в Пскове. — Болезнь Ростовцова. — Кончина его. — Представление государю посмертной его записки. — Назначение графа Панина председателем редакционных комиссий. — Прием государем депутатов губернских комитетов второго призыва. — Представления графа Панина. — Закрытие редакционных комиссий и прием членов их государем. — Назначение великого князя Константина Николаевича председателем Главного Комитета. Обсуждение проектов в Главном Комитете. — Внесение их в Государственный Совет. — Речь государя в заседании 28-го января 1861 г. — Журнал этого заседания. — Подписание государем Положений 19-го февраля об освобождении крестьян. — Высочайший манифест о воле. — Государь читает его сам в Михайловском манеже 5-го марта. — Обнародование манифеста. — Рескрипты великому князю Константину Николаевичу, Ланскому, Панину и вдове Ростовцова.

Крымская война обнаружила неудовлетворительное состояние многих отраслей государственного управления, улучшение которых император Александр II считал своей ближайшей задачей, как можно заключить из собственноручной его надписи на отчете министра внутренних дел за первый год царствования: «Читал с большим любопытством и благодарю в особенности за откровенное изложение всех недостатков, которые, с Божиею помощью и при общем усердии, надеюсь, с каждым годом будут исправляться».

Великим общественным злом представлялось молодому государю крепостное право, об упразднении которого, уже неоднократно помышляли предшественники его, давно мечтали все лучшие русские умы. С первого дня воцарения Александр Николаевич твердо решил осуществить благие намерения императрицы Екатерины II, императоров Александра I и Николая I, совершить то, пред чем отступили они, ввиду трудностей, с которыми сопряжено было проведение в жизнь законодательной меры, затрагивающей и видоизменяющей все стороны государственного и бытового строя России. Приступить к ней полагал он не иначе, как с согласия и при деятельном участии дворянства, не сомневаясь в готовности его поступиться правом владения душами и добровольно принести эту жертву пользам и достоинству отечества. Таково значение первого обращения его к петербургским дворянам на другой же день по вступлении на престол, когда, принимая их депутацию, он выразил надежду, что «дворянство будет в полном смысле слова настоящим благородным сословием, в начале всего добра».

Милостивое расположение свое к дворянству император Александр проявил вскоре по следующему поводу. В последние годы царствования

Николая 1-го министр внутренних дел Д. Г. Бибиков настоял на распространении на Северо-Западный край инвентарных правил, определявших взаимные отношения крепостных крестьян к их владельцам в том виде, в каком правила эти были введены им в крае Юго-Западном в бытность его генерал-губернатором Киевским, Подольским и Волыньским, невзирая на возражения против этой меры, предъявленные цесаревичем Александром Николаевичем в Западном Комитете, членом коего он состоял. Распоряжение это возбудило крайнее неудовольствие помещиков-поляков, которые тотчас по воцарении Александра II прислали в Петербург депутацию, чтобы ходатайствовать об его отмене. Государь уважил их просьбу, и 14-го мая 1855 года состоялось высочайшее повеление об уничтожении прежних инвентарей и о замене их другими, составленными по новым правилам, которые имели быть изданы по рассмотрении в Государственном Совете. В связи с этой мерой было увольнение Бибикова и назначение министром внутренних дел С. С. Ланского, который в первом циркуляре к губернским предводителям дворянства, предварительно представленном на просмотр государя и удостоившемся его утверждения, уведомляя о своем назначении, заявил, что гордится тем, что с званием министра внутренних дел сопряжена высокая обязанность быть представителем у престола его императорского величества доблестного российского дворянства, издревле знаменитого своею преданностью к царственному дому, пламенной любовью к отечеству и ныне, во время таких испытаний, одушевленного теми же возвышенными чувствами. «Всемиловитейший государь наш, — продолжал министр, — повелел мне ненарушимо охранять права, венценосными его предками дарованные дворянству. Считаю себя счастливым передать о столь высокой милости государя в лице вашем всему (имя губернии) дворянству и вместе с тем с особенно утешительным для меня чувством удостоверяю, что по собственному, глубоко в сердце моем вкоренившемуся убеждению, я всегда почитал дворянское сословие верным сподвижником державной власти и твердою опорой отечества»¹.

Между тем, с первых дней царствования смутные толки о желании нового государя освободить крестьян от крепостной зависимости стали распространяться как в обществе, среди помещиков, так и между крестьянами, возбуждая в тех и в других волнение, настолько сильное, что император Александр признал необходимым, при первом представившемся случае, разъяснить дворянам истинный смысл своих намерений. Вскоре по заключении Парижского мира, 30-го марта 1856 г., император воспользовался кратковременным пребыванием в Москве, чтобы, принимая представителей дворянства Московской губернии, обратиться к ним со следующими словами: «Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепост-

¹ Циркуляр министра внутренних дел губернским предводителям дворянства, 28-го августа 1855 г.

ное право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить всем вам, что я не имею намерения сделать это сейчас. Но, конечно, и сами вы понимаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу. Прошу вас, господа, обдумать, как бы привести все это в исполнение. Передайте слова мои дворянам, для соображения»¹.

В царской речи к московским дворянам ясно высказаны как личный взгляд государя на крепостное право, так и желание; чтобы дворянство взяло на себя почин в деле его уничтожения. Необходимым условием успеха, считал император, чтобы нигде не был нарушен законный порядок и чтобы, впредь до издания новых законоположений, помещичьи крестьяне не выражали нетерпения и оставались в полном повиновении у своих господ. Вот почему в циркуляре к губернаторам и губернским предводителям дворянства, служившим как бы пояснением высочайшего манифеста о заключении мира, министр внутренних дел, пригласив дворян оказать содействие к призрению отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов, которые по оставлении службы возвратились бы на родину и поселились на их землях, выражал такую надежду: «Узнав в военной службе на опыте, что одна лишь строгая подчиненность поддерживает порядок, столь необходимый для общественного спокойствия, сим заслуженные воины неукоризненным поведением своим подадут добрый пример служившим в государственном ополчении ратникам, возвращающимся ныне в первобытное свое состояние и к прежним их занятиям, а также своим односельцам-крестьянам, которым постоянно должно быть внушаемо, что мирные их занятия и исполнение общественных повинностей равномерно приносит пользу государству; но что малейшее отклонение от законного порядка и от повиновения помещичьей власти подвергнет их гневу государя и будет преследуемо со всею строгостью»².

О задуманном им преобразовании император Александр совещался с ближайшими к нему государственными людьми, преимущественно с министром внутренних дел Ланским, представившим ему, скоро по возвращении из Москвы, записку «о постепенном стремлении к освобождению помещичьих крестьян». Поводом к этому докладу послужило внесение министром в Государственный Совет представления об ограничении раздробления дворянских населенных имений. Считая дело это тесно связанным с общим крестьянским вопросом, вполне сочувствовавший видам государя Ланской предлагал начертать последовательный план действий, не упуская ни одного случая,

¹ Речь государя московским дворянам, 30-го марта 1856 г., по тексту, приведенному в Записках сенатора Соловьева, «Русская Старина», 1881 г., т. XXVII, стр. 228—229.

² Циркуляр министра внутренних дел губернаторам и губернским предводителям дворянства, 10-го апреля 1856 г.

могущего прямо или косвенно содействовать осуществлению царского замысла. «Дозвольте, всемилостивейший государь, — писал он в заключение доклада, — выразить откровенно мысль, которая, по разумению моему, должна служить основой столь великого и важного дела: начав его, нельзя ни останавливаться, ни слишком быстро идти вперед: надо действовать осторожно, но постоянно, не внимая возгласам как пылких любителей новизны, так и упорных поклонников старины, а прежде всего надо начертать план постепенных действий правительства, в руководство постановленным от него властям».

Соглашаясь с министром, император приказал сосредоточить в министерстве внутренних дел все дела об устройстве помещичьих крестьян, которые производились в разных ведомствах в разное время. Из этого материала поручено было товарищу министра Левшину составить историческую записку о крепостном праве и о законодательных мерах, принятых правительством для ограничения этого права, со времен Петра Великого. Тогда же было решено воспользоваться съездом в Москву на коронацию предводителей дворянства со всех концов России, чтобы вступить с ними в доверительные переговоры о скорейших и удобнейших способах, приведения в исполнение высочайшей воли.

Мера эта не привела к ожидаемым результатам. В конце 1856 года Ланской доложил государю, что, несмотря на слова, сказанные им московскому дворянству, и на подобные же выражения, обращенные с тех пор его величеством к некоторым предводителям дворянства, являвшимся в С.-Петербурге, несмотря также на собственные его неоднократные внушения предводителям, что пора приняться за дело, все подобные приглашения остались без последствий, и что дворяне продолжают отговариваться тем, что не знают, на каких началах правительство желает устроить дело, а сами придумать не могут. Тогда император признал своевременным передать возбужденный им вопрос на соображение и обсуждение высших государственных сановников, пользовавшихся особым его доверием. С этой целью он учредил, под личным своим председательством, Негласный Комитет, в состав которого вошли: председатель Государственного Совета князь Орлов, с правом председательства в Комитете в отсутствие государя; министры: внутренних дел — Ланской, императорского двора и уделов — граф Адлерберг, финансов — Брок и государственных имуществ — заменивший больного Шереметева М. Н. Муравьев; главноуправляющие: путями сообщения — Чевкин и II Отделением собственной его величества канцелярии — граф Блудов, шеф жандармов — князь Долгоруков и члены Государственного Совета: князь Гагарин барон Корф и генерал-адъютант Ростовцов. Заведование делами Комитета было возложено на государственного секретаря Буткова.

Император Александр самолично открыл заседания Комитета 3-го января 1857 года. Пригласив присутствовавших сохранять все, что будет происходить в их собраниях, в глубочайшей тайне, государь заявил, что вопрос о крепостном праве давно уже занимает правительство;

что предками его в разное время принимались разные меры к устройству и улучшению быта крепостных крестьян, но меры эти, вследствие обстоятельств, не имели желаемого успеха; что крепостное состояние, введенное сначала неточными и неясными правительственными постановлениями и, распоряжениями и лишь впоследствии получившее настоящие размеры и свойства от недоразумений, неправильных толкований и злоупотреблений власти, отжило свой век и что лично его этот важный предмет озабочивает с самого вступления на престол. В заключение император поставил вопрос: следует ли принять какие-либо решительные меры к освобождению крепостных крестьян?

Присутствовавшие единогласно отвечали: что вопрос о крепостном состоянии, по мнению их, действительно требует разрешения; что помещики вообще предполагают в правительстве намерение изменить настоящие отношения их к крестьянам, но, не зная сущности этих намерений, находятся от того в тревожном состоянии; что, со своей стороны, крестьяне ожидают в пользу свою мероприятий правительства и полагают, что осуществлению их препятствуют помещики; что толки о свободе в настоящее время хотя и не составляют чего-либо нового, а суть явление обыкновенное, повторяющееся в начале каждого царствования, но что нельзя не сознаться, что повторение этих толков может, наконец, породить опасность для спокойствия государства; что меры, до сих пор принимавшиеся правительством к облегчению выхода крестьян из крепостной зависимости, как-то: указы 1803 года о свободных хлебопашцах и 1842 года об обязанных крестьянах, не имели успеха и число освобожденных на основании этих постановлений крестьян оставалось чрезвычайно ограниченным; что сам покойный император Николай смотрел на положение об обязанных крестьянах, как на меру временную, переходную; а потому члены полагают, что ныне настало время к пересмотру всех постановлений о крепостных крестьянах, с целью изыскания наилучших способов к освобождению их от крепостной зависимости, но с должною осторожностью и постепенностью.

По приказанию государя, граф Блудов прочел составленную Левшиным историческую записку о всех предшествовавших мерах правительства в отношении помещичьих крестьян, заключающуюся изложением главных оснований, которые, по мнению министерства внутренних дел, должны быть приняты для скорейшего устройства их быта. Основания эти были изложены в трех вопросах, представленных на обсуждение Комитета: 1) Останется ли вся земля по-прежнему во владении помещиков? 2) Если останется право владения за помещиками, то должно ли быть ограждено право крестьян пользоваться землей, им отведенной, т. е. может ли помещик безусловно, согнать со своей земли освобожденных поселян или должен подчиниться законным ограничениям? 3) Могут ли помещики надеяться получить от правительства какое-либо вознаграждение как за личность освобождаемых крестьян, так и за земли, им отведенные?

Закрывая первое заседание, император задачу учрежденного им Негласного Комитета определил так: рассмотрение крестьянского вопроса и составление по оному предположений¹.

Первым распоряжением Комитета было вытребовать из министерства внутренних дел все сосредоточенные в нем производства по крестьянскому делу, протоколы разных комитетов, учрежденных в Николаевское царствование, а также некоторые частные проекты освобождения крестьян, появившиеся в рукописях, из которых в особенности обратили на себя общественное внимание записки Кавелина, Самарина, Кошелева, давно уже посвятивших себя литературной разработке этого вопроса. Из всех этих материалов управляющий делами Комитета Бутков принялся составлять синоптическую ведомость, самое же рассмотрение проектов Комитет возложил на особую комиссию из трех своих членов: князя Гагарина, Ростовцова и барона Корфа. Последние два обратились к государю с просьбою уволить их от этой обязанности, ссылаясь, — Ростовцов — на совершенное незнакомство с крестьянским бытом, Корф, — на то, что, не владев поместьями собственно в русских губерниях, он не может судить о нуждах русских крестьян. Но император не согласился на их желание и просил исполнять возложенные на них обязанности по мере сил и возможности.

В рассмотрении протоколов и записок — их набралось более ста — прошли зимние месяцы 1857 года. К весне члены комиссии сообщили друг, другу свои работы и выводы, но между ними оказалось такое разногласие в суждениях и взглядах, что они не могли прийти к общему заключению, и каждый внес отдельно свою записку в Комитет, который постановил: сообщить все три записки прочим членам для прочтения и соображения. Тогда же записки эти были отправлены к находившемуся за границей государю.

В Киссингене Александр Николаевич показал их графу Киселеву, одному из немногих высших государственных сановников, искренно сочувствовавших предпринятому им делу. «Крестьянский вопрос, — сказал ему государь по этому поводу, меня постоянно занимает. Надо довести его до конца. Я более чем когда-либо решился и никого не имею, кто помог бы мне в этом важном и неотложном деле». Занося царские слова в свой дневник, Киселев замечает: «Вообще мне показалось, что государь совершенно решился продолжать дело освобождения крестьян, но его обременяют и докучают со всех сторон, представляя препятствия и опасения».

Действительно, большинство членов Негласного Комитета, деятели предшедшего царствования, — князь Орлов, князь Долгоруков, граф Адлерберг, князь Гагарин, граф Панин, генерал Муравьев недоверчиво относились к задуманному государем преобразованию, считая его и пре-

¹ Журнал заседания Негласного Комитета, 3-го января 1857 года. Ср. также «Материалы для истории упразднения крепостного состояния в России», т. I, и «Записки сенатора Соловьева», «Русская Старина», 1880 г., т. XXVII, стр. 321—323.

ждевременным, и обильным опасными последствиями. Усилия их клонились к тому, чтобы, по возможности, затормозить дело, а если и осуществить, то в самых ограниченных размерах. Зато в царской семье два лица обнаруживали пламенное ему сочувствие. То были: великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Елена Павловна. Не менее ревностное усердие к делу освобождения проявляло и министерство внутренних дел, в лице старика Ланского и ближайших его сотрудников, товарища министра Левшина, директора Хозяйственного департамента Н. А. Милютин и управляющего Земским отделом Я. И. Соловьева. Пока Негласный Комитет, не без предвзятого намерения, замедлял ход дела, подвергая его всевозможным проволочкам, в министерстве внутренних дел выработаны были ответы на вопросы, предложенные в первой его исторической записке. Вторая записка эта была одновременно внесена в Комитет и повергнута на высочайшее воззрение. В ней министр заявлял, что считает своей обязанностью «высказать личные свои ответы» на им же предложенные в Комитете вопросы. Он находил, что, хотя с точки зрения юридической, право собственности помещиков на землю неотъемлемо, и потому нельзя отвергать права каждого помещика удалить со своей земли всех поселенных не принадлежащих ему крестьян, но что на обязанности правительства лежит «пешишь об общем спокойствии и противиться тому, что может нарушить оное, обратив миллионы людей в бесприютных бродяг». Для соглашения этих двух противоположных требований, министр предлагал поступить так, как было поступлено в других государствах, как само русское правительство поступило в Прибалтийском крае, а именно: сохранить право собственности на землю за помещиками, а за крестьянами — право пользоваться землей. Такое разрешение вопроса министр признавал достаточным на первый раз. Относительно вознаграждения помещиков за людей и за землю, Ланской не отрицал, что, с той же юридической точки зрения, право собственности помещиков на личность крестьян несомненно, но вознаграждение за потерю этого права считал невозможным как для правительства, так и для крестьян, утверждая, что все проекты финансовых оборотов, которые были бы для сего предмета придуманы, поздно или рано лопнули бы, как мыльные пузыри. «Гораздо удобнее, — развивал он мысль свою, — ни тем, ни другим не обманывать себя и теперь же прямо взглянуть на предмет, представляющийся в чудовищном виде, вспомнив, что ни в одной стране рабство не было выкуплено правительством. Остзейские бароны также добровольно и безвозмездно отказались от крепостного права на крестьян. Русское дворянство сделает то же». Личный выкуп Ланской предлагал заменить выкупом крестьянской усадьбы. «Есть предмет, — рассуждал он, — который для крестьянина важнее нивы, его питающей: это жилище, укрывающее его от непогод и сосредоточивающее в себе все домашние его интересы. Дать ему свободу без нивы можно; дать ее без жилища, без гнезда, без уверенности, что оно будет согревать его и семью, пока они живы, и, между тем, оставить привязанным к одному месту —

было бы нечеловеколюбиво. Приняв это за систему, надо идти к тому, чтобы с освобождением помещичьих крестьян дать право собственности на оседлость или усадьбу, то есть на жилище с принадлежащими ему строениями, с огородом и хотя небольшим выгоном для мелкого скота. Уплата за усадьбу должна производиться крестьянами по срокам, в течение известного времени, от 10-ти до 15-ти лет. До истечения этого переходного, периода не должно объявлять крестьянина свободным по имени, но на самом деле между тем привести его мерами законодательными из раба в человека, только крепкого земле, дабы потом окончательно его освободить». Таким способом, по мнению министра, разрешался и вопрос о вознаграждении помещиков за полевую крестьянскую землю. «Земли, — доказывал он, — которыми крестьяне будут только пользоваться, не владея ими, и за это платить помещику деньгами или работой, не могут считаться отчужденными, и потому не вызывают ни с чьей стороны никакого денежного вознаграждения помещику; за земли же, уступленные дворянством с усадьбами освобожденным крестьянам, сии последние выплатят, как объяснено, в сроки всю определенную сумму. Следовательно, ни одна часть этого переворота не требует от правительства прямых денежных расходов или выпуска каких-либо особого рода бумаг». В заключение министр излагал свой взгляд на порядок ведения дела. По мнению его, оно было «так огромно, важно и в некоторых отношениях разнообразно, что нельзя двигать его одновременно во всех концах России: не достанет на то ни времени, ни сил одних и тех же лиц». Поэтому Ланской предполагал производить введение нового порядка постепенно, по губерниям или по районам, начав с губерний западных и пограничных, которые, по соседству со странами, где крепостное состояние уже уничтожено, более подготовлены к принятию свободы как в нравственном, так и в экономическом смысле. Для первого опыта на изложенных основаниях министр указывал на губернии Ковенскую, Гродненскую и Виленскую, подчиненные одному генерал-губернатору, который, по высочайшей воле, уже готовится все к необходимому изменению.

Между тем государь возвратился из первой своей поездки в чужие края. Недовольный бездействием Негласного Комитета в его отсутствие, он, чтобы оживить его деятельность, назначил членом одного великого князя Константина Николаевича, который со свойственным ему рвением принялся за дело. Последовал ряд совещаний его с оставшимися в Петербурге членами Комитета: Орловым, Ланским, Чевкиным и Ростовцовым, так как Долгоруков, Блудов и Муравьев находились в отлучке. В этих совещаниях говорилось относительно главных начал будущего преобразования. Предположено: 1) Определить от издания нового положения десятилетний срок, по истечении которого крестьяне будут совершенно свободны. 2) В течение этого переходного периода наделить крестьян усадьбою, т. е. огородом, коноплянником и выгоном в полную личную собственность, с некоторым вознаграждением помещиков, которое определится положением,

надел усадьбы в черноземных губерниях сделать небольшой и увеличить оный в северных, на том основании, что в этих последних главное значение имеет не земля, а труд, и, следовательно, крестьянину легче выплатить большее вознаграждение. 3) В продолжение того же периода, часть пахотной земли оставить во временном владении крестьян на условиях, которые, будут определены положением, т. е. за оброк или барщину; после же десяти лет вся пахотная земля должна оставаться в руках помещиков, с которыми крестьяне на счет пользования ею могут определять условия по обоюдному соглашению.

Наконец, после трех бурных заседаний, происходивших 14-го, 17-го и 18-го августа, Комитет постановил: «Улучшение быта помещичьих крестьян произвести с должной осторожностью и постепенностью, и для сего исполнение оного разделить на три периода. Первый период посвятить собранию всех необходимых данных, недостающих у Комитета, и без которых невозможно составить предположение на прочных основаниях. Собрание этих данных поручить министру внутренних дел, чрез сношение с местными властями и опытными помещиками, но без огласки. В течение же первого периода издать указ о дозволении дворянам отпускать крестьян их на волю целыми селениями, на разных условиях, независимо от правил для свободных хлебопашцев и обязанных крестьян, по добровольному взаимному соглашению, с утверждения правительства, для чего подготовить проект условий и представить в Государственный Совет проект смягчения некоторых помещичьих прав. Во втором периоде составить, на основании собранных министром внутренних дел сведений, проект положения о помещичьих крестьянах. Третий период назвать окончательным, т. е. окончательного устройства крестьян». Под журналом Комитета, заключавшим это постановление, подписались все наличные члены, за исключением князя Гагарина, оставшегося при особом мнении, и государь сделал на нем следующую собственноручную надпись: «Исполнить. Относительно же разногласия разделяю мнение большинства. Да поможет нам Бог вести это важное дело с должною осторожностью к желаемому результату. Искренно благодарю гг. членов за первый их труд и надеюсь и впредь на их помощь и деятельное участие во всем, что касается до сего жизненного вопроса».

Во исполнение высочайше утвержденного постановления Комитета были составлены и разсланы его членам следующие четырнадцать вопросов о некоторых частных законодательных мерах для приготовления общего решения: 1) Можно ли дозволить крепостным людям вступать в брак без согласия помещиков? 2) Можно ли дать помещичьим людям право приобретать собственность без согласия помещиков? 3) Можно ли ограничить права помещиков относительно разбора споров и жалоб между их крестьянами? 4) В какой мере можно ограничить права помещиков относительно наказания крестьян? 5) Должно ли лишить помещиков права переселять крестьян в Сибирь? 6) Следует ли ограничить права помещиков относительно отдачи кре-

стьян в рекруты? 7) Должно ли лишить помещиков права; вмешательства в отправление крестьянских повинностей и податей? 8) Какие принять меры для более точного определения повинностей крепостных крестьян их помещикам? 9) Можно ли допустить жалобы крепостных крестьян на их помещиков? 10) Можно ли дать помещичьим крестьянам право выкупаться на волю за особо определенную цену? 11) Какие меры должно принять ныне же для уменьшения дворовых людей? 12) Какие принять меры для большего успеха в заключении взаимных соглашений между помещиками и крестьянами? 13) Независимо от всех изложенных выше мер, не следует ли принять ныне же еще некоторые меры для облегчения как крепостного состояния, так и взаимных соглашений между помещиками и крестьянами? 14) Каким порядком приступить к исполнению тех облегчительных мер, кои Комитетом будут окончательно избраны и государем утверждены? — Члены Комитета приглашались доставить ответы на эти вопросы не позже половины ноября. Но к этому времени в ходе крестьянского дела неожиданно произошла существенная перемена, видоизменившая как способы ведения, так, и самое его направление.

В конце октября прибыл в Петербург виленский генерал-губернатор Назимов и привез адрес на высочайшее имя дворян трех северо-западных губерний: Виленской, Гродненской и Ковенской, с выражением желания освободить своих крепостных крестьян, хотя и без земли. Комитет готов был принять это предложение, но государь на то не согласился и потребовал немедленного разрешения дела на основаниях, изложенных в записке министра внутренних дел от 26-го июля: усадебной оседлости, предоставленной крестьянам в собственность, и отведения им полевых угодий в пользование за повинности.

Обсуждению этого вопроса посвящено было три заседания Комитета, плодом коих был подписанный императором Александром в Царском Селе 20-го ноября 1857 года следующий рескрипт на имя генерал-адъютанта Назимова:

«В губерниях Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты из предводителей дворянства и других помещиков для расследования существующих там инвентарных правил.

Ныне министр внутренних дел довел до моего сведения о благих намерениях, изъявленных сими комитетами, относительно помещичьих крестьян означенных трех губерний.

Одобряя вполне намерения сих представителей Ковенской, Виленской и Гродненской губерний, как соответствующие моим видам и желаниям, я разрешаю Дворянскому сословию оных приступить теперь же к составлению проектов, на основании коих предположения комитетов могут быть приведены в действительное исполнение, дабы не нарушить существующего ныне хозяйственного устройства помещичьих имений.

Для сего повелеваю:

1) Открыть теперь же в губерниях Ковенской, Виленской и Гродненской, по одному в каждой, приуготовительному комитету, а потом для всех трех губерний вместе одну общую комиссию в городе Вильне.

2) Каждому губернскому комитету состоять под председательством губернского предводителя дворянства, из следующих членов: а) по одному от каждого уезда губернии, выбранному из среды себя дворянами, владеющими в том уезде населенными именьями, и б) двух, опытных помещиков той же губернии по непосредственному назначению начальником оной.

3) Общей комиссии состоять из следующих лиц: а) двух членов каждого из трех: губернских комитетов по их выбору; б) одного опытного; помещика из каждой губернии, по вашему назначению, и в) одного члена от министерства внутренних дел: Председателем комиссии предоставляется вам назначить одного из ее членов, принадлежащих к местному дворянству».

«Губернские комитеты, по открытии их, должны приступить к составлению по каждой губернии, в ответственность собственному вызову предводителей дворянства, подробного проекта об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян оной, имея при этом в виду следующие главные основания:

1) Помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они приобретают в течение определенного времени в свою собственность посредством выкупа; сверх того, предоставляется в пользование крестьянам надлежащее, по местным удобствам, для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком количество земли, за которое они или платят оброк, или отбывают работу помещику.

2) Крестьяне должны быть распределены на сельские общества, помещикам же предоставляется вотчинная полиция.

3) При устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть надлежащим образом обеспечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов.

Развитие сих оснований и применение их к местным обстоятельствам каждой из трех означенных губерний предоставляется губернским комитетам. Министр внутренних дел сообщит вам свои соображения, могущие служить пособием комитетам при их занятиях.

Комитеты сии, окончив свой труд, должны представить оный в общую комиссию. Комиссия, обсудив и рассмотрев все предположения губернских комитетов, а также сообразив их с изложенными выше основаниями, должна постановить окончательное по всему делу заключение и составить проект общего для всех трех губерний положения, с нужными по каждой изъятиями или особыми правилами.

Поручая вам главное наблюдение и направление сего важного дела вообще во вверенных вам Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях, я предоставляю вам дать как губернским комитетам сих трех

губерний, так и общей комиссии нужны наставления, для успешного производства и окончания возлагаемых на них занятий. Начальники губерний должны содействовать вам в исполнении сей обязанности. Составленный общею комиссиею проект вы имеете, со своим мнением, препроводить к министру внутренних дел для представления на мое усмотрение».

Открывая, таким образом, дворянскому сословию Ковенской, Виленской и Гродненской губерний средства привести благие его намерения в действие, на указанных мною началах, я надеюсь, что дворянство вполне оправдает доверие, мною оказываемое сему сословию, призыванием его к участию в сем важном деле, и что, при помощи Божией и при просвещенном содействии дворян, дело сие будет кончено с надлежащим успехом.

«Вы и начальники вверенных вам губерний обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне оставались в полном повиновении помещикам, не внимали никаким злонамеренным внушениям и лживым толкам».

Высочайший рескрипт сопровождался одобренным государем пояснительным отношением министра внутренних дел генерал-губернатору, в котором Ланской сообщал свои соображения, долженствовавшие служить дворянским комитетам пособием при их занятиях. В рескрипте было сказано, что дворянство изъявило «благие намерения» относительно своих крестьян. Министр в своем отношении как бы поясняет, что эти благие намерения состояли в том, чтобы, в видах улучшения быта помещичьих крестьян, освободить их от крепостной зависимости. Будущие положения названы в рескрипте проектами «обустройстве и улучшении быта крестьян»; министр называет их проектами положений «об освобождении крепостного сословия». В рескрипте говорилось о постепенном приведении в исполнение, предположений комитетов; министр прибавлял к этому, что крестьяне сначала будут находиться «в состоянии переходном, более или менее крепки к земле, а потом уже в окончательном и свободном».

Он же определял срок переходного состояния не свыше 12-ти лет. Ланской разъяснял далее: 1) что крестьяне «в течение переходного времени» выкупают свою усадебную оседлость за сумму, которая «не должна превышать ценности приобретенной в собственность оседлости»; 2) что вся остальная земля разделяется «на господскую и отведенную в пользование крестьян»; 3) что крестьянская земля «безусловно не может быть присоединяема к господским полям»; 4) что количество земли, отведенной крестьянам, и способ пользования ею, общинный или подворный, должны определиться «по местным обстоятельствам и обычаям»; 5) что помещичьим повинностям могут «подлежать только те крестьяне, кои наделены землей»; 6) что размер помещичьих повинностей должен быть «положительно определен соответственно пространству и качеству отведенной крестьянам земли». Министр сообщал также, что, по утверждении нового положения, должны быть прекращены продажа, дарение и переселение крестьян на другие места;

должно быть также прекращено обращение крестьян в дворовые и приняты меры сначала к уменьшению, а потом и к уничтожению этого класса людей; во все время переходного состояния помещикам предоставляется право сдавать нерадивых и порочных крестьян, по соглашению с обществом, в рекруты или сдавать в распоряжение правительства для переселения в другие губернии, но не иначе как с утверждения тех присутствий; кои будут по уездам образованы, на основании нового положения. «Если комитеты, — заключал Ланской отношение свое к Назимову, — по местным уважениям, признают неудобным принять которые-либо из этих соображений, то я просил бы ваше превосходительство поручить комитетам, в своих окончательных мнениях, объяснить подробно причины, препятствующие принятию оных».

Как высочайший рескрипт, так и отношение министра внутренних дел не подлежали обнародованию и на последней бумаге стояла надпись: «секретно». Но 22-го ноября, принимая воронежского губернатора Синельникова, государь рассказал ему об адресе литовских дворян и о состоявшихся распоряжениях, прибавив: «Я решился дело привести к концу и надеюсь, что вы уговорите ваших дворян мне в этом помочь». Эти царские слова вызвали циркуляр Ланского ко всем начальникам губерний и губернским предводителям дворянства с сообщением высочайшего рескрипта и министерского отношения к Назимову «для сведения и соображения на случай, если бы дворянство вашей губернии изъявило подобное желание».

Такое желание было уже высказано дворянством Петербургской губернии, еще в конце предшествовавшего царствования представившим в министерство внутренних дел свои предположения о введении инвентарных правил, определяющих взаимные отношения помещиков и крестьян. В начале 1857 года оно возобновило свое о том ходатайство, поступившее в Негласный Комитет и оставшееся там до осени без движения. Теперь признали его вполне достаточным поводом, чтобы в высочайшем рескрипте на имя с.-петербургского генерал-губернатора разрешить и петербургским дворянам открыть губернский комитет для составления проекта положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян губернии на высочайше указанных главных основаниях одинаковых с теми, что были изложены в рескрипте генерал-адъютанту Назимову¹.

Несколько дней спустя, 9-го декабря, императору представились уездные предводители с губернским предводителем графом П. П. Шуваловым во главе для принесения благодарности за посещение государем

¹ Высочайший рескрипт с.-петербургскому генерал-губернатору, 5-го декабря 1857 г. — Рескрипт этот, как и рескрипт Назимову, сопровождался пояснительным отношением министра внутренних дел. О разноречии этого отношения с тем, что было написано Ланским Назимову, см. Записки сенатора Соловьева, «Русская Старина», 1881 г., т. XXX, стр. 728—732. Эти изменения Ланской приписывает давлению на Ланского князя Орлова и большинства членов Негласного Комитета, не сочувствовавших освобождению крестьян с землею.

бала, данного петербургским дворянством по случаю бракосочетания великого князя Михаила Николаевича, и он воспользовался этим случаем, чтобы обратиться к ним со следующей речью: «Благодарю вас, господа, за вчерашний вечер, который доставил большое удовольствие и мне и всей моей семье. Я вам очень благодарен. Мне приятно видеть вас у себя. Теперь нужно поговорить о предмете большой важности, должно подумать о деле, требующем полного внимания вашего. Генерал-губернатор собирал вас и объявил вам мое желание, мою твердую волю. Мне кажется, что правила, мною предначертанные, не стеснительны для обеих сторон. Пополнения и разъяснения, которые окажутся нужными, будут уже делом комитета под председательством вашим». Последние слова относились к губернскому предводителю, обращаясь к которому, государь прибавил: «Я уверен, что вы вашим усердием и заботливостью достигнете цели».

«Я привык надеяться на все дворянство, — продолжал император, — и предоставил вашей губернии начать это дело. Знаю, что много будет труда, но я надеюсь на вас и поручаю вам это дело. Надеюсь, что вы примете в нем искреннее участие и обратите внимание ваше на класс людей, заслуживающий, чтобы положение его было правильно обеспечено. Нельзя было медлить долее; должно было заняться теперь же этим предметом, не откладывая его вдаль. Моя неременная воля, чтобы это было исполнено». Засим, обратясь к присутствовавшему при приеме петербургскому генерал-губернатору Игнатьеву, государь сказал: «Я прошу вас содействовать дворянам и руководить их; в случае затруднения помогать им», — и речь свою закончил так:

«В данных вам основаниях возлагается на обязанность мирских обществ призрение престарелых и увечных, но это не выражено довольно ярко. Мое желание, чтобы воины, послужившие отечеству и уволенные при расформировании некоторых частей армии, как люди, пролившие кровь свою и получившие на службе увечья или доказавшие готовность свою пожертвовать собою для отечества, также были призрены теми обществами, которыми были сданы. Участь этих людей не менее заслуживает вашу заботливость, и потому прошу непременно об этом подумать. В имениях удельных и государственных на этот предмет обращено уже внимание, и участь этих людей отчасти уже устроена. Оставить этих людей на произвол судьбы невозможно, а потому и в этом отношении я полагаюсь на вас. Прощайте, господ да, я твердо надеюсь на вас».

Обращение государя к петербургским дворянам огласило предпринятое им великое преобразование во всеобщее сведение. Вслед затем были обнародованы высочайшие рескрипты генерал-губернаторам виленскому и петербургскому. Из них вся Россия узнала, что упразднение крепостного состояния — вопрос бесповоротно решенный самодержавной волей.

Русское образованное общество с восторгом встретило радостную весть. 28-го декабря в Москве 180 лиц, принадлежащих к разным сосло-

виям, преимущественно писателей и ученых, сошлись, чтобы отпраздновать ее торжественным обедом в купеческом собрании. Первую речь на обеде произнес редактор-издатель «Русского Вестника» Катков, начав ее следующими словами: «Бывают эпохи, когда всякому чувствуется присутствие Промысла в жизни, когда в глубине души каждого слышатся явственно ответы настоящего на вопросы прошедшего, ответы, вносящие мир и благоволение в сердца людей, восстанавливающие смысл, правду и равновесие в жизни; эпохи, — когда силы мгновенно обновляются, когда люди с усиленным биением собственного сердца сливаются в общем деле и в общем чувстве. Благо поколениям, которым суждено жить в такие эпохи! Благодарение Богу: нам суждено жить в такую эпоху...» — «Да почиет благословение Божие, — заключил Катков речь свою, — на царе нашем и на всех его начинаниях! Да царствует он долго и долго да будет источником света и блага для нашей родины! Единодушно и единогласно, от полноты сердца всех и каждого, провозглашается тост за здоровье государя императора!» Слова эти сопровождались оглушительным «ура!», долго не смолкавшим. После речей Станкевича о средствах обеспечить общее благо всех граждан в России, а в их взаимных отношениях несовместные начала заменить прочными началами справедливости и христианской любви, Павлов снова поднял бокал «за того, кто призывает свою верную Россию на подвиг правды и добра»; Погодин пил за здоровье русского дворянства, профессор Московского университета Бабст — за процветание свободного труда, профессор Петербургского университета Кавелин — за успех славянского дела. Ряд речей завершил Кокорев, предложивший тост «в честь и славу тех людей, которые в чувствах истинной любви к государю будут содействовать нашему выходу из кривых и темных закоулков на открытый путь гражданственности!» По окончании обеда гости долго стояли перед портретом государя; раздавались восторженные крики «ура!» и перешли, наконец, в народный гимн, пропетый всеми присутствовавшими.

Первым откликнулось на царский призыв нижегородское дворянство. 17-го декабря оно подписало всеподданнейший адрес, в котором выразило единодушное желание «принести его императорскому величеству полную готовность исполнить его священную волю на основаниях, какие его величеству благоугодно будет указать». В ответ на этот адрес последовал на имя начальника Нижегородской губернии высочайший рескрипт одинакового содержания с рескриптом генерал-губернаторам виленскому и с.-петербургскому, в котором государь в самых милостивых выражениях благодарил нижегородских дворян за благой их почин в великом деле. «Поручаю вам, — писал он губернатору А. Н. Муравьеву, — объявить сему благородному сословию мое совершенное удовольствие за новое доказательство всегдашней готовности нижегородского дворянства содействовать исполнению намерений правительства, устремляемых ко благу общему. Мне в особенности было приятно видеть, что оно первое поспешило воспользоваться

случае дать пример сей готовности изъявлением усердного желания способствовать, зависящими от него средствами, предпринимаемому ныне важному и, как можно при благословении Всевышнего надеяться, равно полезному для всех в государстве состояний делу».

Вслед за Нижним Новгородом высказалась и Москва. «Московское дворянство, — гласит адрес на высочайшее имя, состоявшийся 7-го января 1858 года, — постоянно движимое чувствами беспредельной любви и преданности к престолу и отечеству, во все времена принимало живейшее участие в достопамятных событиях России, утверждавших в империи славу и величие русского народа, и ныне, исполненное глубочайшей признательности к государю императору за всемиловитивейшее его величества доверие, оказанное дворянскому сословию всей Империи по предмету устройства быта помещичьих крестьян, изъявляет и со своей стороны полную готовность содействовать благим намерениям августейшего монарха и просит всемиловитивейшего соизволения на открытие комитета для составления проекта правил, которые комитетом будут признаны общепользными и удобными для местностей Московской губернии». Последняя оговорка усугубила неудовольствие государя за проявленную московским дворянством медленность, и в ответном рескрипте московскому генерал-губернатору, составленном в выражениях сухих и холодных, отклонено притязание москвичей о предоставлении их губернскому комитету права составить проект положения на основаниях, какие сам он признает общепользными и удобными. Рескрипт требовал, чтобы проект положения для Московской губернии «был составлен на тех же главных началах, кои указаны дворянству других губерний, изъявившему прежде желание устроить и улучшить быт своих крестьян».

С первых чисел марта и до октября стали поступать всеподданнейшие адреса от дворянств прочих губерний, в ответ на которые следовали высочайшие рескрипты, в следующем порядке: губернии — Самарская, Саратовская, Симбирская, Киевская, Подольская, Волынская, Орловская, Тверская, Астраханская, Новгородская, Казанская, Рязанская, Костромская, Екатеринославская, Тамбовская, Полтавская, Харьковская, Пензенская, Воронежская, Курская, Тульская, Псковская, Ярославская, Вологодская, Могилевская, Витебская, Таврическая, Херсонская, Черниговская, Минская, Смоленская; области — Бессарабская и войска Донского; губернии — Владимирская, Калужская, Оренбургская, Ставропольская, Пермская, Вятская и Олонецкая. К концу года 44 губернских комитета и две общие комиссии — одна для Северо-Западного, другая для Юго-Западного края — трудились уже над составлением проектов положений. Всюду открытие комитетов обставлено было торжественностью, приличествующей важности дела. Духовные пастыри говорили поучительные слова, начальники губерний и председатели комитетов, губернские предводители дворянства произносили прочувствованные речи, на дворянских обедах пили здоровье первоначаль-

ника великого преобразования, почтившего дворянство актом высочайшего к нему доверия.

Со дня обнаружения первого рескрипта генерал-адъютанту Назимову не предстояло более надобности окружать тайною существование Негласного Комитета. 5-го января 1858 года состоялось высочайшее повеление об учреждении в непосредственном ведении и под председательством государя «Главного Комитета по крестьянскому делу для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии». Членами этого Комитета назначены все прежние члены Комитета Негласного, причем Брока заменил вскоре заместивший его во главе министерства финансов Княжевич. Распоряжение это обнаружено сенатом при указе от 18-го февраля.

Большинство в Главном Комитете продолжало не сочувствовать делу преобразования. Твердо и ясно выраженная и повсеместно обнаруженная воля государя не допускала открытого сопротивления, но влиятельнейшие члены Комитета не уставали, по выражению одного из виднейших государственных деятелей этой эпохи, «пугать мнимыми опасностями, в их воображении развивавшимися, и чрез то причинять некоторое колебание и задержки в благих начинаниях». Они жаловались государю на великого князя Константина Николаевича за резкость высказанных им суждений. «Я склонен думать, писало по этому поводу приближенное к нему лицо, — что эти господа действуют крикливо, парализуя усилия императора по всему, что относится до прогресса и цивилизации; но они ошибаются. Тем не менее они творят много зла.» В то же время, противники освобождения представляли, что министерство внутренних дел идет слишком быстро вперед, что необходимо умерить порывы старика Ланского, все более и более поддающегося влиянию ближайших своих сотрудников, ревностных поборников полного освобождения крестьян с землею, Н. А. Милютина и заведующего делами вновь образованного при министерстве внутренних дел «для предварительного обсуждения и обработки всех дел по вопросам, касающимся земского хозяйственного устройства в империи» Земского отдела, Я. А. Соловьева. Настояниям большинства Комитета удалось достигнуть того, что в пояснительном отношении к рескрипту на имя петербургского генерал-губернатора значительно видоизменены наставления; преподанные министром внутренних дел виленскому генерал-губернатору. В отношении к Игнатьеву не встречаются уже выражения, находившиеся в отношении к Назимову. Слова: «желание дворян, в видах улучшения быта крестьян, освободить их от крепостной зависимости» заменены: «стремлением дворян к улучшению и прочному устройству быта их крестьян»; вместо «проектов положений об освобождении крепостного сословия», поставлено: «проект положения для помещичьих крестьян». Но словами не ограничилось изменение, внесенные Комитетом в пояснительное отношение министра внутренних дел к петербургскому генерал-губернатору; они коснулись и самого существа дела. По виленскому отношению

крестьяне приобретали «права свободного состояния» по взносе ими «в продолжение переходного срока» выкупа за усадебную оседлость, «сумма коего не должна превышать ценности приобретаемой ими в собственность усадебной оседлости»; а по петербургскому: «права состояния крестьян, по окончательном их устройстве, и право собственности на усадьбу приобретаются не иначе, как с уплатой владельцу выкупа в продолжение определенного срока», причем размер выкупа определяется оценкой не одной усадебной земли и строений, но, сверх того, «промысловых выгод и местных удобств». Не менее существенные изменения внесены в отношении к генерал-адъютанту Игнатьеву по вопросам о разделе земли на господскую и крестьянскую, о размере крестьянского надела, о повинностях крестьян, об общинном владении землею и т. п.

По мере обнародования высочайших рескриптов в ответ на адреса дворянства, издавались и пояснительные отношения министра внутренних дел, списывавшиеся с исправленного петербургского, а не с виленского текста.

Дополнением им служил ряд циркуляров, хотя и подписанных Ланским, но составленных в Комитете, чрез который, в силу высочайшего повеления, должны были отныне проходить все распоряжения министерства внутренних дел по крестьянскому вопросу. В одном из этих циркуляров министр внутренних дел предупреждал, что в пояснительных его отношениях, «как в прежних, так и в настоящих», не должно искать подробной программы, обязательной для губернских комитетов; что мысли и предположения, им высказанные, следует принимать не как предрешения подлежащих их обсуждению вопросов, а лишь как советы, принять или не принять которые зависит от усмотрения комитетов. «Неизменным и неприкосновенным, — заключал министр, — должны остаться лишь главные начала сего устройства, в высочайших рескриптах указанные. В сих началах, то есть в обеспечении помещикам их собственности, а крестьянам прочной оседлости и надежных средств к жизни и к исполнению их обязанностей, заключается то незыблемое основание, на котором должно воздвигнуться и утвердиться предначинаемое великое дело».

Между тем настоятельная потребность в положительной программе для занятий губернских комитетов стала ощущаться самими комитетами, состав которых был самый разнообразный. В них участвовали люди всех общественных положений и всех оттенков мнений, от мелкопоместных дворян до представителей знатнейших родов, от низших чиновников и субалтерн-офицеров до высших придворных, военных и гражданских званий, от лиц, едва умевших читать и писать, до профессоров и академиков, наконец, от ревностных защитников крепостного права до убежденных поборников полного и немедленного освобождения крестьян с землей. Возложенное на губернские комитеты дело затрагивало и материальные интересы дворянства, и политическое его значение; сверх того, оно было едва ли не первым в России опытом

обсуждения в выборных собраниях государственного и общественного вопроса первостепенной важности. При таких условиях, когда естественно разгорались страсти, росло и распространялось всеобщее возбуждение. Министерство внутренних дел, сознавая необходимость преподать губернским комитетам единообразное наставление, составило «проект плана работ по устройству крестьянского быта». В этой программе, вышедшей из-под пера Я. А. Соловьева, ясно указана цель преобразования: освобождение крестьян с землей, и вместе с тем предприняты в пользу крестьян вопросы о повинностях, о размере надела, о выкупе усадебной оседлости, о праве крестьян переходить на другие земли и в другие сословия, о полной независимости их от помещиков в делах семейных, имущественных, хозяйственных и т. п.¹ Внесенный Ланским на рассмотрение Главного Комитета министерский проект не был утвержден, и составление новой программы поручено члену Комитета генерал-адъютанту Ростовцову — на иных основаниях, менее тягостных для помещиков и сохраняющих за ними, в известных пределах, пользование их вотчинными правами.

Так, впервые деятельно выступил в крестьянском вопросе личный друг государя, многолетний его сотрудник по управлению военно-учебными заведениями, лицо, пользовавшееся полным его расположением и доверием, скоро затем поставленное им во главе всего дела. Не подлежит сомнению, что Александр Николаевич сам убедил Ростовцова принять более ревностное участие в трудах Главного Комитета и вообще изучить и обсудить крестьянский вопрос во всех подробностях. В это время Ростовцов довольно близко придерживался еще взглядов большинства своих сочленов по Главному Комитету, и это отразилось на первом труде его. Составленная им программа все дело передавала в руки губернских комитетов — не только составление положений о крестьянах, но и приведение их в действие. Применение положений к отдельным имениям и объявление их крестьянам предоставлялось самим владельцам имений и, сверх того, на губернские же комитеты, уже после приведения новых положений в исполнение, возлагалось «начертание сельского устава, определяющего все подробности крестьянского быта».

Таким образом, по программе, занятия комитетов делились на три периода: составление положений; введение их в действие; начертание сельского устава. Для окончания работ первого периода определялся шестимесячный срок, в продолжение которого должно было быть составлено «Положение об улучшении быта помещичьих крестьян» каждой губернии, обнимающее нижеследующие предметы по однообразной для всех комитетов форме: 1) переход крестьян из крепостного состояния в срочно-обязанное; 2) сущность срочно-обязанного положения; 3) поземельные права помещиков; 4) усадебное устройство крестьян; 5) надел крестьян землею; 6) повинности крестьян;

¹ Записки Соловьева, «Русская Старина», 1882 г., т. XXXIII, стр. 247 и 248.

7) устройство дворовых людей; 8) образование крестьянских обществ; 9) права и отношения помещиков; 10) порядок и способы исполнения. Большая часть этих вопросов была уже предрешена в программе и притом в смысле наиболее благоприятном для помещиков. Так, в высочайших рескриптах упоминалось лишь о предоставлении помещикам вотчинной полиции, а в пояснительных отношениях министра внутренних дел основное это начало развивалось следующим образом: «Крестьяне должны быть разделены на мирские общества, а заведование мирскими делами и мирская расправа предоставляется мирским сходам, составленным из крестьян, и мирским судам, под наблюдением и утверждением помещиков». В программе Ростовцова мирское общество называется сельским и указывается, что составлено оно должно быть из крестьян одного имения, с помещиком в качестве «начальника общества» во главе; о мирских же сходах и судах вовсе не упоминается. В этом звании помещику присваивались обширные права по сельскому благоустройству и порядку; по внутреннему управлению; по разбору взаимных жалоб и споров между крестьянами; по отправлению крестьянами повинностей и по надзору за правильным употреблением общественных капиталов, денежных и имущественных. Право собственности крестьян на усадьбы заменялось в программе потомственным пользованием, — родом вечного польского чинша, а вместо упомянутого в рескриптах «надлежащего для обеспечения быта крестьян количества земли» губернские комитеты обязывались лишь определить «наименьший размер надела». Программу свою сам Ростовцов сводил к следующим двум главным положениям: 1) крестьянин делается лично свободным немедленно по утверждении положений, не ожидая, как предполагалось прежде, выкупа своей усадьбы, что отсрочило бы его освобождение на долгое время; 2) крестьянину предоставлено право бессрочного пользования усадьбой; выкуп же ее предоставлен ему в право, а не в обязанность, и на неопределенный срок.

Программа Ростовцова была принята Главным Комитетом, утверждена государем и, по высочайшему повелению, разослана министром внутренних дел во все губернские комитеты «для руководства».

Одновременно состоялось распоряжение, ограничившее гласное обсуждение в печати крестьянского вопроса и способов его разрешения.

Еще до обнародования ноябрьских рескриптов 1857 года, в тогдашних журналах отведено было широкое место изучению поземельных отношений, а после того, как появились рескрипты, возгорелась оживленная полемика между органами печати, представителями противоположных направлений. Главный предмет спора составлял вопрос о личном и общинном землевладении. Первое отстаивал «Экономический Указатель» во имя начал, выработанных политической экономией на Западе; в пользу второго высказывались все прочие журналы, хотя с различных точек зрения. «Современник» признавал в нем отражение западной коммуны; орган славянофилов, «Русская Беседа», рас-

смастривал его как коренное, историческое начало славянского быта. Последний журнал завел даже отдельное ежемесячное приложение под названием «Сельское благоустройство», специально посвященное крестьянскому вопросу, в котором передовыми бойцами за общину и освобождение с землею выступили Кошелев, Самарин, князь Черкасский; издаваемый Катковым «Русский Вестник» также открыл особый отдел для статей этого рода и в числе своих сотрудников имел Я. А. Соловьева, весьма незадолго до назначения его непременным членом Земского отдела. Защитниками дворянских интересов заведен свой орган, журнал «Землевладелец». Цензура снисходительно относилась к этому литературному движению и позволяла свободно высказывать всякие мнения, не исключая и самых крайних. Появление в двух книжках «Современника», еще ранее распространенной в рукописи, статьи профессора Кавелина изменило взгляд правительства на участие в деле повременной печати. В статье этой автор высказал довольно резкие суждения о русском государственном строе вообще и об отношениях Верховной Власти к разным сословиям, а этих последних между собою и приходил к следующим трем выводам: 1) крепостных следует освободить вполне, совершенно, из-под зависимости господ, потому что на беспристрастное разбирательство и решение процессов между помещиками и их крепостными долго нельзя еще рассчитывать, так как и после освобождения судебная и полицейская власть останется в руках дворян; 2) их следует освободить не только со всем принадлежащим им имуществом, но и непременно с землею в размере того надела, которым они теперь пользуются, и 3) освобождение должно совершиться не иначе, как с вознаграждением помещика путем выкупа.

Статья Кавелина рассматривалась в Главном Комитете и была признана вредной и опасной. Пропустившему ее в печати попечителю петербургского учебного округа князю Щербатову сделан выговор; Кавелин отставлен от должности преподавателя наследнику русского права, а министр народного просвещения Ковалевский приглашен сделать по цензурному ведомству распоряжение о недопущении в печати статей, подобных статье Кавелина, основная мысль которой, по мнению Комитета, состоит в том, «что помещичьи крестьяне должны, вопреки главным началам, установленным высочайшими рескриптами касательно устройства быта крестьян, при освобождении их из крепостного состояния, получить в полную собственность землю, которою они ныне пользуются».

Несколько дней спустя составлен был и передан Ковалевскому к подписанию и исполнению следующий циркуляр: «Государь император, признавая необходимым, чтобы при настоящем положении крестьянского вопроса не были решительно, допускаемы к напечатанию такие статьи, в какой бы форме они ни были, кои могут волновать умы и помещиков, и крестьян, рассеивая между ними последними нелепые толки и суждения, изволил высочайше повелеть: ни в каком случае не отступать от духа и смысла правил, указанных уже по сему предмету